

ИХ ПОДВИГ БЕССМЕРТЕН

Неумолимое время продолжает движение вперёд, и свидетелей самой страшной войны XX в. остаётся всё меньше и меньше. Поэтому так важно успеть получить правду о той далёкой, но одновременно близкой войне от её непосредственных участников.

Ефим Евтеевич Лункин родился 23 марта 1922 г. в с. Колодязцы Жиздринского уезда Брянской губернии. Сейчас это село Колодязсы Хвастовичского района Калужской области. По словам ветерана, название села произошло от того, что его жители занимались профессиональным промыслом — рытьём колодцев. «Наверное, — говорит он с улыбкой, — мои предки тоже занимались этим ремеслом».

В подмосковный рабочий посёлок Реутов (ныне город) семья Ефима Евтеевича переехала, когда ему было девять лет, в 1931 году. В комнате на площади не больше 10 кв. метров, по воспоминаниям Ефима Евтеевича, жили пять человек — он, родители, брат и сестра.

Родители трудились на Реутовской хлопкопрядильной фабрике. Отец работал возильщиком, мать — обработчиком волокна (ципальщицей). Ефим Евтеевич был «средним» в семье — его сестра родилась в 1918 году, а брат Иван — в 1927 году. К скорби ветерана, сестры и брата уже нет в живых. В школу он пошёл в 12 лет, осенью 1934 года. После окончания школы в 1939 году Ефим Евтеевич на четыре месяца стал учеником столяра на хлопкопрядильной фабрике, имя и фамилию которого — Владимир Ситников — помнит до сих пор. После недолгой учёбы столярному делу он стал работать механизатором в крутильном цехе, снимая готовые бобины с намотанными нитками.

27 октября 1940 года Ефим Евтеевич был призван в армию и был направлен в Дальневосточный военный округ, в воинскую часть, расположенную в 17 километрах от монгольской границы. «Специализацией» части

оказалась противотанковая артиллерия.

По словам ветерана, в весенние месяцы 1941 года все чувствовали приближение войны. Конечно, многие понимали, что единственными странами, могущими напасть на СССР в то время, были Германия и Япония. Однако на политзанятиях ему и его сослуживцам объясняли: «война возможна, но с Турцией». Думаю, это было вызвано политическими причинами: в то время у СССР действовал Договор о ненападении с Германией от 1939 г., а с апреля 1941 г. и с Японией, и подобная антинемецкая риторика могла рассматриваться как прямое нарушение данных договоров. Однако простой народ в большинстве своём всё понимал.

Ветеран вспоминает: «Весной 1941 г. мы с товарищами были в увольнении. Проходим мимо стариков, сидящих около одного из домов. Они и говорят нам: «Жалко нам вас. Скоро война с германцем начнётся». — «Нет, — отвечаем мы. — С Турцией». «Нет, — отвечают они. — С германцем. И страшная это война будет. Готовьтесь». И тяжело вздохнув, посмотрев на нас, старики углубились в свой разговор. Мы с моими товарищами, фамилии которых я помню до сих пор — Иван Бабенко, Николай Николаев, Симоненко — пошли дальше, каждый со своими мыслями».

422-й арtdивизион, в котором служил ветеран, направили на защиту Москвы осенью 1941 года. После семидневного переезда из Сибири полк остановился в районе подмосковного Красногорска, в сосновом бору. Штаб был недалеко, в Павшино. Жили в землянках, вырытых в податливой подмосковной земле. На обед, завтрак и ужин — здоровая

солдатская пища: суп, картошка, перловка, иногда мясо и рыба. Порция хлеба — 400 грамм.

Затем — в составе свежих сил Красной Армии — он принял участие в контрнаступлении под Москвой, начавшемся 5 декабря 1941 г.

Первый бой и первое ранение с вражеского самолёта в окрестностях древнего Волоколамска Ефим Евтевич вспоминает как наяву.

С несколькими другими ранеными бойцами его посадили на самолёт У-2 и направили в госпиталь... в родной Реутов — сквозное ранение в живот с выходом пули у позвоночника требовало долгого и кропотливого лечения. Начальник госпиталя Михаил Саввич Фоменков лично провёл сложную операцию и сказал, что Ефим Евтевич «родился в рубашке».

В качестве отступления: даже спустя более 70 лет после описываемых событий ветеран прекрасно помнит не только имена, но и отчества большинства своих однополчан и людей, с которыми его сводила жизнь. Помнит товарищей, с которыми был по службе, врачей и сестёр, которые его лечили.

В госпитале Ефим Евтевич пролежал больше четырёх месяцев, после чего он, будучи лейтенантом, был направлен с двумя взводами выздоравливающих бойцов на заготовку дров в Абрамцево. Школа, где находился госпиталь, отапливалась дровами, в ней была своя котельная, но во время войны топили и буржуйки. После заготовки дрова на телеге, запряжённой лошадью, доставляли обратно в госпиталь г. Реутов.

И снова, после окончательного выздоровления, в июле 1942 г. — на фронт. В этот раз, после перформирования — под Ржев, где, кстати, он с сослуживцами неделю был в окружении. Там его тоже ранило, но теперь в ногу. На этот раз, к счастью, ранение оказалось куда более лёгким — осколком снаряда задело мягкие ткани на ноге. Семнадцать дней в госпитале — и снова на защиту страны. Здесь ему больше всего запомнилась безвестная девушка-санитар, делавшая перевязку на передовой.

«Она обработала мне рану, сделала перевязку и сказала: «Я иду к другим, подожди, тебя заберут», — сказал, задумавшись ветеран.

Ржев даже в истории такой кровавой войны, как Великая Отечественная, известен невиданным кровопролитием. «Я убит подо Ржевом» — вот печальная строка из известного широко стихотворения Александра Твардовского. Ефим Евтевич остановился, вспомнив оставшихся там навечно товарищей, и продолжил, добавив про современную молодёжь. «Большинству тех, кто были на фронте, было в среднем двадцать лет — ровесники современных пацанов. У них была впереди вся жизнь. Мне кажется, что люди сейчас разучились ценить время. На войне, перед боем, в ожидании бомбёжки, мы ценили каждое мгновение, каждую секунду времени, зная, что для кого-то, а то и для всех нас они могут стать последними. Поэтому так горько, что огромное число молодёжи погибает от наркотиков, от безделья, подаётся в бандиты, чтобы не созидать, а разрушать», — сказал Ефим Евтевич Лункин, глядя на нас глазами, в которых можно было прочесть горечь о прошлом и настоящем и тревогу за будущее.

Я спросил его о том, что они чувствовали, верили ли, например, в Бога. — «Да, я верил. Товарищи, которые были рядом, тоже верили. Но верили по-простому. Мы верили в Него в душе, ведь мы не умели молиться. И, кроме того, в то время это было не принято выражать открыто». Действительно, сейчас же открыты храмы, веру никто не преследует. Но зла не стало меньше. Поэтому нам так

важно понимать зло, его причины и истоки и бороться с ним.

После Ржева, в апреле 1943 года, Ефима Евтевича направили на повышение квалификации — в артиллерийское училище под Тулой. Там он проучился около трёх месяцев, выйдя оттуда в конце июля 1943 года.

Отучившись, Ефим Евтевич в октябре 1943 года направился на 2-й Украинский фронт. Там он прошёл с боями от Днепра до Прута. Как наяву, он помнит освобождённые города и их названия — Шацк, Жмеринка. Форсировали с боем Днестр, пройдя территорию Молдавии и вступив с

Мы верили в Него в душе, ведь мы не умели молиться

боями в Румынию — союзника Германии. Заняв Яссы, наши войска расположились на отдых. Там в г. Яссы, 22 августа 1944 г., его ранило в третий раз. По словам ветерана, ранение получилось, в принципе, случайно: «Мы находились в увольнении, хотели посмотреть памятники города, как вдруг услышали какой-то шум. Оказалось, вражеский самолет, бомбивший город». Ефима Евтевича контузило, а вот его товарища Ивана Бабенко убило.

Это был тот самый товарищ, с которым они познакомились еще до войны, во время службы на Дальнем Востоке, в Чите. Потом их разлучило первое ранение Ефима Евтевича под Москвой. «Вдруг, — говорит, Ефим Евтевич, — гляжу — знакомое лицо Ивана, который уже служил в этом

полку. Это же надо, как в вихре войны нас свела судьба. И вот — друга нет. Мне это сказали, когда я очнулся в госпитале». Кстати, в том ранении он потерял глаз.

Ветеран рассказывает ещё об одном своём сослуживце — Василии Квасове, с которым воевал вместе до ранения в августе 1944 года. Звали его за необыкновенный голос «Курский соловей». Его приметой была большая борода — «соловей» решил отращивать её, пока не будет сокрушён Гитлер и его воинство.

Ефим Евтеевич лечился в госпитале почти до самого начала октября 1944 г., а потом его направили на венгерский участок фронта, под Будапешт, где он принимал участие в боях как около самого города, так и в остальной Венгрии.

Позже полк, в котором служил ветеран, был передислоцирован на территорию бывшей Чехословакии. Именно там, в мае 1945 года, в освобождённой Праге он застал окончание войны с Германией.

Как сегодня, он помнит День Победы. Приехал связной: «Германия капитулировала!». Отмечали всем взводом, состоящим из 18 человек с размахом до самого утра. А десятого мая, после реформирования войск, ветеран оказался в столице вновь обрётшей свою независимость Австрии — Вене.

Воинские достижения, смелость и ум Ефима Евтеевича оказались востребованы и в мирное время — летом 1945 года ему неоднократно предлагали службу в военной комендатуре Будапешта — столицы занятой нашими войсками Венгрии. Но он неизменно отказывался, — столь высоко было желание наконец-то, после нескольких лет разлуки, показавшихся ему целой вечностью, увидеть своих близких и свой дом. Ефим Евтеевич по натуре имеет жизнерадостный характер, особенность не принимать плохое близко к сердцу и быстро его забывать. Поэтому не иначе как в шутку он рассказывал нам, что полученные в качестве трофея несколько мешков муки,

он обменял на патефон, так как не мог увезти муку из-за отсутствия транспорта. На румыно-советской границе данный патефон у него конфисковали советские пограничники. Так он и остался без видимого трофея. Но настоящим «трофеем» стало чувство собственного достоинства, что он принял участие в защите своей Родины, в величайшей из всех битв в истории нашей страны. И ему не в чем себя упрекнуть — каждую минуту он, как и многие его сослуживцы, труженики тыла, все патриоты нашей страны, жил одним — чувством Победы, её необходимостью для настоящего и будущего.

Ветеран демобилизовался в августе 1945 года. При этом, по его словам, он очень быстро ощутил наступление мирного времени, где не было места суматохе и издержкам войны. Сойдя с поезда на Киевском вокзале Москвы, по возвращении с фронта, Ефима Евтеевича хотели доставить в военную комендатуру вокзала... за неопрятный внешний вид — шинель висела на руке, а она должна была быть аккуратно сложена «скаткой».

После войны Ефим Евтеевич сначала работал на Реутовской

хлопкопрядильной фабрике мастером смены. Потом агентом снабжения одного из военных институтов, располагавшегося в современном районе Новогиреево. Потом он переехал в Балашиху, где с 1963 г. стал работать на заводе «Криогенмаш», пока в 1991 году не вышел на пенсию.

Нельзя не отметить случаи встреч фронтовика Е.Е. Лункина со своими однополчанами. Однажды на общем семейном совете семья Лункиных решила завести овчарку. Где покупать? Естественно, на Птичьем рынке, который тогда располагался в районе Абельмановской заставы. Сели в электричку, идущую от Балашихи. На одной из станций в поезд зашёл мужчина и, присев напротив него с сыном Колей, стал пристально в него вглядываться. «Я спрашиваю, — говорит ветеран, — мы с вами знакомы?» Оказалось, что волей судьбы в то же время ехал и его однополчанин — капитан Дмитрий Егорович. Естественно, что речи о поездке на рынок уже не было, и добрую часть оставшегося дня товарищи просидели в одном из заведений в районе железнодорожной станции «Серп и Молот». Как оказалось, его товарищ был сотрудником питомника «Красная звезда», располагавшегося в районе Новогиреево, где Ефим Евтеевич вместе со своим сыном выбрали себе верного друга на многие годы — овчарку, которую звали Вестой.

Не забыл старого друга и «Курский соловей» — Василий Квасов, который однажды позвонил в дверь его квартиры. «Я, — говорит Ефим Евтеевич, — до сих пор, не представляю, как он меня тогда нашёл. А за радостью от встречи и спросить забыл».

В заключение Ефим Евтеевич сказал следующие слова: «Я хочу, чтобы этот рассказ понимался не как воспоминание о моей жизни, а как о подвиге того времени, нашего народа, который должны помнить живущие сегодня. И чтобы, не дай Бог, то зло, что было в прошлом, не воплотилось вновь».

Я присоединяюсь к словам ветерана.

